

Оуэн Роберт Дейл

**Спорная область между двумя
мирами**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Р58

Р58 **Роберт Дейл О.**
Спорная область между двумя мирами / Оуэн Роберт Дейл – М.: Книга по Требованию,
2023. – 287 с.

ISBN 978-5-521-26869-6

ISBN 978-5-521-26869-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Книга Роберта Дэля Оуена «The debatable land between this world and the next, with illustrative narrations» (1872 годъ—первое изданіе) удобно дѣлится на двѣ части. Къ первой можно отнести все, что говорится въ книгѣ о характерѣ новѣйшаго спиритуалистическаго движенія (спиритизма), о его значеніи въ исторіи развитія религіозной идеи и объ отношеніи къ существующимъ церковнымъ ученіямъ. Затѣмъ остается рядъ рассказовъ, которыми авторъ, по его выраженію, „иллюстрируетъ“ теоретическій отдѣлъ своего труда: тутъ описываетъ онъ частію личные свои опыты и наблюденія въ области медиумическихъ явленій, частію случаи явленій, засвидѣтельствованные ему очевидцами и выдержавшіе строгую критическую провѣрку. Этотъ второй—фактический отдѣлъ сочиненія имѣетъ, на нашъ взглядъ, самостоятельный интересъ и мы рѣшаемся предложить его въ переводѣ особой книгой.

Выдѣленная изъ сочиненія часть, какъ читатель самъ замѣтитъ, ничего не теряетъ въ ясности. Но мы будемъ неправы передъ памятью автора, если не оговоримся, что выдержка наша даетъ лишь слабое и одностороннее понятіе о его трудѣ. Тамъ эти факты не стоятъ особнякомъ, а служатъ ступенью къ извѣстнымъ положеніямъ, являются въ освѣщеніи той общей идеи, которую выработалъ себѣ авторъ, какъ послѣдній изъ нихъ выводъ. Отрѣшавъ фактическую часть отъ всего, что такимъ образомъ освѣщало ее, намъ пришлось совершить надъ книгою очень печальную операцію,—чуть ли не вынуть изъ нея душу. Если это вина, то надо по крайней мѣрѣ въ ней сознаться. Но мы надѣемся, что, съ ожидаемымъ расширеніемъ правъ нашей печати, сдѣлается возможнымъ вскорѣ русское изданіе и первой—теоретической части сочиненія. Тогда книгѣ Р. Д. Оуена легко будетъ возвратитъ ся цѣльный видъ, потому что планъ сочиненія,

какъ мы сказали, дозволяетъ изданіе его двумя самостоятельными частями. На этотъ случай, давъ настоящему выпуску особое заглавіе, ближе выражающее его содержаніе, мы удерживаемъ за нимъ и заголовокъ, который носитъ въ подлинникѣ цѣлое сочиненіе, чтобы потомъ связать этимъ общимъ заголовкомъ обѣ части.

Вошедшимъ у насъ въ употребленіе французскимъ терминамъ „спиритизмъ“, „спиритъ“, „спиритическій“ соответствуютъ англійскіе „спиритуализмъ“, „спиритуалистъ“, „спиритуальный“, или „спиритуалистическій“. Но англійскій терминъ „спиритуализмъ“ выражаетъ болѣе широкое понятіе, которое обнимаетъ не только то, что зовутъ у насъ „спиритизмомъ“, но все вообще ученіе о духѣ, во всѣхъ его старыхъ и новыхъ видахъ и направленіяхъ. Поэтому, при переводѣ, англійская форма слова не вездѣ удобно замѣняется французскою. Можно бы конечно выдержать въ переводѣ и обѣ эти формы, уступивъ привычкѣ, связавшей у насъ понятіе о медиумическихъ явленіяхъ собственно съ французскою формою слова. Но при этомъ пришлось бы вводить въ терминологию перевода тонкости, которыя не всегда отгѣнены въ самомъ подлинникѣ. Приѣмъ по меньшей мѣрѣ неудобный... Между тѣмъ намъ казалось только естественнымъ—для англійскаго сочиненія по „спиритуализму“ удержатъ и этотъ терминъ въ его англійскомъ значеніи. И разъ мы условимся относительно его объема, мы не видимъ, почему бы съ нимъ нельзя было помириться.

К. П.

СПОРНАЯ ОБЛАСТЬ МЕЖДУ ДВУМЯ МІРАМИ.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА.

Трудности и предразсудки.

Нельзя отказываться отъ изученія предмета только потому, что онъ полонъ трудностей, или что мы рискуемъ затронуть этимъ современные предразсудки, — можетъ быть даже, навлечь на себя презрѣніе. — Берцэліусъ (Jahresbericht. 1846).

Нѣсколько словъ къ читателю, прежде чѣмъ начну свои рассказы.

Не будемъ смущаться тѣмъ, что во всѣхъ этихъ раннихъ изслѣдованіяхъ по спиритуализму очень замѣтны недостатки метода, нѣкоторая случайность наблюденій, что производились они простыми дилеттантами, людьми безъ ученыхъ званій и титуловъ. Можетъ быть, оно вышло и къ лучшему, хотя, съ извѣстной точки зрѣнія, нельзя конечно не пожалѣть объ этомъ. Къ лучшему — хотя надо согласиться, что между признанными авторитетами науки есть люди, почи и руководство которыхъ тутъ были бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ особенно цѣнны и которые могли бы, если бъ пожелали, выработать для насъ надежные результаты.

Говорю, цѣнны «въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ»; — потому что, признавая въ лучшихъ представителяхъ науки извѣстныя качества, особенно способствующія изслѣдованію нашего предмета, надо все-таки компетентность ихъ значительно ограничить. Отрасли естествознанія физическая и біологическая обнимаютъ двѣ области явленій очень отличныя и очень далекія одна отъ другой. Правда, и тѣ

и другія явленія подчиняются тѣмъ же непреложнымъ общепіровымъ законамъ; подлинность тѣхъ и другихъ опредѣляется по правиламъ провѣрки, одинаково обязательнымъ для всѣхъ опытныхъ изслѣдованій. Но законы физическихъ наукъ изучаются на косной матеріи, у которой нѣтъ нервной системы, а съ нею и способности смягчаться или раздражаться; нѣтъ сознанія, чтобы поддаваться на ласку или возмущаться отъ грубой обиды; нѣтъ чувства справедливости, чтобы оскорбляться неосновательнымъ подозрѣніемъ. Законы біологическихъ наукъ, напротивъ, дѣйствуютъ въ живыхъ особяхъ съ тонкою, впечатлительною, подвижною организаціею. Матеріаль для опытовъ въ томъ и другомъ случаѣ совсѣмъ различный и относится къ нему слѣдуетъ различнымъ образомъ. Фаредэй, какъ физикъ, Гэршель, какъ астрономъ, Либигъ, какъ химикъ, изучали законы, выраженія которыхъ, ожидаемая или искусственно подготовляемая, въ каждый данный моментъ, на любомъ предметѣ опыта поддаются строгому контролю, даже предопредѣляются;—это законы, какъ разъ подходящія къ приѣмамъ математическаго расчета. Такіе ученые пріобрѣтаютъ навыкъ къ строгому, безпощадному анализу, который имѣетъ свою цѣну. Но если они упустятъ изъ виду, какой совсѣмъ отличный, какой измѣнчивый матеріаль представляетъ живая природа, и къ изслѣдованію органической жизни приступятъ съ тѣмъ же чисто матеріалистическимъ, неуклоннымъ масштабомъ, какой привыкли прилагать въ области физическихъ явленій, то рискуютъ тутъ совершенно сбиться съ пути и отступить безъ результатовъ. Ученые дѣятели врачебной профессіи хорошо это знаютъ по опыту *).

*) Докторъ Голландъ (Dr. Holland, «Chapters on mental physiology», стр. 2) вѣрно замѣчаетъ: «Тѣ, кто привыкъ только къ судебнымъ розыскамъ, или кто занимался наукою въ ея болѣе простыхъ формахъ, не могутъ себѣ представить, какое громадное усложненіе создаетъ начало жизни вообще, а тѣмъ болѣе духовныя настроенія, когда имѣешь дѣло съ тѣлеснымъ организмомъ».—У Биша (Bichat, «Recherches sur la vie et la mort», гл. 7, § 1) находимъ нѣсколько прекрасныхъ замѣчаній по тому же поводу. Онъ напоминаетъ намъ, что химія, физика и т. п. науки очень близки между собою, но «громадное разстояніе отдѣляетъ ихъ отъ науки объ органическихъ тѣлахъ, которая требуютъ совсѣмъ другихъ приѣмовъ».

Къ тому же, какова бы ни была компетентность способѣйшихъ представителей науки, они обыкновенно не считаютъ себя призванными къ почину и руководящей роли въ подобныхъ изысканіяхъ. Это—непопулярное дѣло, которое они охотно оставляютъ на рукахъ не подготовленныхъ экспериментаторовъ. А если имъ и случается подать голосъ, то мы слышимъ отъ нихъ только предразсудки *) Въдѣ предразсудокъ, по самой этимологіи слова, есть мнѣніе, которое мы составляемъ себѣ заранѣе, прежде чѣмъ познакомимся съ дѣломъ: слѣдовательно предразсудкомъ можемъ мы назвать и сужденіе ученаго, какъ бы оно ни было истинно, если онъ не провѣрилъ его противъ мнѣній противоположныхъ, какъ бы они ни были лживы.

Отъ людей, преданныхъ исключительно физическимъ изысканіямъ, собственно говоря, и нельзя ожидать большаго. Въ области внѣміровыхъ явленій они видятъ нѣчто выходящее изъ ихъ юрисдикціи. Теорія о возможности воздѣйствій изъ иной сферы бытія, идея духовнаго проявленія—совершенно чужды ихъ профессиональной практикѣ и не представляютъ для нихъ, на первый взглядъ, научнаго интереса. Въ ростѣ всякой поворожденной гипотезы такого своеобразнаго характера много общаго съ развитіемъ человѣка. Пока гипотеза еще дитя, голосу ея почти не придается вѣса. Ее выслушиваютъ съ легкою улыбкою и обходятъ безъ дальнихъ церемоній. Во весь періодъ несовершенности она, можно сказать, не имѣетъ права собственности, лишена привилегій что либо приобретать. Доказательства въ ея пользу могутъ появляться время отъ времени; но съ ними не находятъ нужнымъ считаться, обсуждать ихъ на общемъ основаніи: они выслушиваются, какъ что-то новое и забавное, но не имѣютъ ле-

*) Авторъ указываетъ здѣсь подъ строкою, какъ на почтенное исключеніе, на извѣстнаго англійскаго натуралиста Крукса, первые опыты котораго надъ медиумическою силою Юма были только что опубликованы передъ изданіемъ книги (въ 1871 г.). Опуская это примѣчаніе, теперь уже потерявшее значеніе, мы напомнимъ, что подлинность медиумическихъ явленій съ тѣхъ поръ признана гласно и многими другими натуралистами, и самъ Круксъ успѣлъ значительно подвинуть впередъ свои наблюденія въ этой области. (Нѣкоторыя изъ статей Крукса по этому предмету изданы въ русскомъ переводѣ А. Н. Аксаковымъ.)—Переводч.

гальной силы, не включаются въ офіціальные протоколы, ихъ не относятъ на счетъ несовершеннѣйшей. Молодую гипотезу держать какъ будто за предѣлами человѣческаго правосудія.

Намъ и нечего особенно жаловаться на это. Мы можемъ осуждать взгляды и пріемы, которыхъ держатся корифеи науки въ своихъ отношеніяхъ къ спиритуализму, но умѣемъ и извинить ихъ. Лучшіе изъ насъ подаются передъ грозою насмѣшки. Франклинъ, предпринявъ одинъ изъ грандіознѣйшихъ опытовъ, когда либо задуманныхъ человекомъ, постарался, говорятъ, замаскировать свою мысль, чтобы не очутиться въ смѣшномъ положеніи. Онъ взялъ себѣ въ спутники мальчика, рассчитывая, что ихъ бумажный змѣй, если бъ онъ не привлекъ молніи изъ грозовой тучи, можетъ сойти просто за дѣтскую игрушку.

Но неужели же поэтому такъ ничего и не дѣлать? Изъ за того, что люди, добившіеся ученой репутаціи, не желаютъ рисковать ею въ такого рода изслѣдованіи, должны ли отступать передъ нимъ другіе, болѣе отважные, хотя и менѣе подготовленные къ дѣлу?

Я задалъ себѣ этотъ вопросъ и отвѣтилъ на него отрицательно.

И такъ, приведу теперь, въ подтвержденіе разныхъ положеній, выставленныхъ мною выше, нѣсколько примѣровъ спиритуальныхъ явленій, изъ числа тѣхъ многихъ, которыя я имѣлъ случай наблюдать самъ или узнать изъ достовѣрныхъ источниковъ въ продолженіи послѣднихъ пятнадцати лѣтъ.

Книга I.

Нѣсколько чертъ къ характеристикѣ явленій.

«Подобные факты, — которыми полна жизнь, — смущаютъ умниковъ сильнѣе, чѣмъ они даютъ это понять...» — Бэйль.

ГЛАВА I.

Явленія обыкновенно приходятъ неожиданно.

«Мы живемъ съ прикрытыми глазами, не видя вещей, стоящихъ тутъ же — передъ нашимъ лицомъ; — пока наконецъ, къ положенному часу, не дозрѣетъ нашъ духъ. Тогда мы глядимъ на вещи, которыхъ сперва не замѣчали, а то — прежнее время уже кажется намъ сномъ.» — Эмерсонъ.

Когда я вспоминаю, что случилось со мною въ мартѣ 1856 года, мнѣ приходятъ на память эти знаменательныя слова Эмерсона...

До того времени я жилъ, какъ живутъ миллионы людей, — смутно не довѣряя тому, чтобы здѣсь, въ этомъ мірѣ, встрѣчались какіе нибудь духовные факторы, уловимые для нашихъ чувствъ. Я зналъ только по слухамъ о «рочѣстерскихъ стукахъ» *) и задавался вопросомъ, до какой еще нелѣпости дойдутъ послѣ этого люди.

Я проживалъ тогда въ Неаполѣ, гдѣ въ теченіе двухъ съ половиной предшедшихъ лѣтъ занималъ постъ американскаго посланника. Члены нашего дипломатическаго корпуса, поддерживая между собою любезныя и дружелюбныя отношенія, имѣли обыкновеніе заходить другъ къ

*) Исторію «рочѣстерскихъ стуковъ» читатели найдутъ въ разсказѣ «Домъ въ Гайдесвиллѣ», приложенномъ въ концѣ книги.
Переводч.

другу по вечерамъ, совершенно запросто, чтобы провести иногда вмѣстѣ часъ-другой. Этому обыкновенію я обязанъ страннымъ и новымъ для меня опытомъ, исторіи котораго дамъ заглавіе—

Горничная и поваръ.

25 марта я проводилъ вечеръ у русскаго посланника, г. К. Кромѣ членовъ его семьи, тутъ были: тосканскій посланникъ г. де-Ф., его супруга и еще нѣсколько гостей—заѣзжихъ лицъ, изъ разныхъ концовъ свѣта. Большую часть вечера мы бесѣдовали поанглійски, такъ какъ жена тосканскаго посланника была урожденная англичанка, а другая присутствовавшая тутъ дама—родомъ изъ Америки.

Г-жа К., парижанка по рожденію и женщина разносторонне образованная, спросила меня, между разговоромъ, слыхалъ ли я что нибудь объ автоматическомъ письмѣ. Я признался, что нѣтъ. Тогда она заявила, что у нѣкоторыхъ людей, какъ ей извѣстно, есть способность давать этимъ путемъ вѣрные отвѣты на вопросы о вещахъ имъ совершенно незнакомыхъ.

— Извините,—сказала г-жа де-Ф.:—если вы говорите такъ рѣшительно, — у васъ конечно есть основанія... Но я — я все-таки позволю себѣ не вѣрить, пока не увижу сама чего нибудь подобнаго.

— Тогда попробуемъ!—сказала г-жа К.

И предложеніе ея было принято съ интересомъ. Всѣ мы сѣли, приставили къ бумагѣ свои карандаши и ждали, что изъ этого выйдетъ. Никто изъ насъ не былъ знакомъ съ спиритуализмомъ и никто въ него не вѣрилъ.

Нѣкоторое время — ровно ничего; затѣмъ одна изъ рукъ,—у г-жи М.,—пришла въ движеніе и стала выводить неправильныя фигуры; но ни словъ, ни буквъ не было.

Тогда я предложилъ провѣрить это явленіе, — и г-жа де-Ф. поставила вопросъ: «Кто далъ мнѣ эти булавки?» Она указала на три большія, съ золотыми головками булавки, воткнутыя у нея въ платъѣ. «Если г-жа М. отвѣтитъ, я конечно увѣрю».

Нѣсколько минутъ карандашъ г-жи М. оставался не-

подвиженъ; затѣмъ, хотя очень медленно, онъ сдѣлалъ два-три росчерка, и наконецъ написалъ судорожнымъ и несовсѣмъ разборчивымъ почеркомъ рядъ словъ, изъ которыхъ два послѣднія выведены были справа надѣво *).

Г-жа де-Ф. попросила показать ей бумагу и рассмотреть вала ее нѣсколько времени, сильно поблѣднѣвъ.

— Что тамъ такое?—спросилъ кто-то нетерпѣливо.

— Колдовство,—если только есть оно на свѣтѣ!—отвѣчала она.—Тутъ написано: тотъ, кто даетъ тебѣ горничную и повара (the one that gives you a maid and cook).

— Какъ странно!—воскликнула m-selle К.:—это вовсе не отвѣтъ на вашу вопросъ.

— Вы думаете, m-selle?—возразила г-жа де-Ф.:—такъ я вамъ расскажу факты. Эти булавки получила я отъ моей кузины Елисаветы, которая живетъ во Флоренціи. Она же, по моей просьбѣ, выслала мнѣ оттуда горничную дѣвушку, поступившую ко мнѣ въ услуженіе десять дней назадъ, и повара, который прибылъ третьяго дня.

Бумага переходила изъ рукъ въ руки, вызывая со всѣхъ сторонъ выраженія удивленія; и удивленіе еще возрасло, когда кто-то потомъ замѣтилъ, что послѣдняя часть росчерка, сдѣланная какъ разъ передъ фразой, имѣла сходство съ прописнымъ Е—имянной буквой лица, сдѣлавшаго подарокъ (см. факсимиле).

Собственно во мнѣ случай этотъ, хотя повидимому и ничтожный, пробудилъ нѣчто большее, чѣмъ простое удивленіе. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ затѣмъ дома, въ молчаливомъ раздумьи, я испыталъ ту невыразимую тревогу, которая всегда находитъ на человѣка, когда сознанію его представляется впервые возможность фактическаго свидѣтельства о другой жизни. Прежде чѣмъ я заснулъ, я далъ себѣ крѣпкій зарокъ, — который потомъ и сдержалъ, — не успокаиваться до тѣхъ поръ, по-

*) Всякій можетъ убѣдиться на опытѣ, какъ нелегко написать съ конца даже два подобныхъ слова. А г-жа М., прибавимъ, не только не имѣла никакой опытности въ спиритуализмѣ, но была противъ него предубѣждена.

ка не уясню себѣ, въ какой мѣрѣ такія свидѣтельства возможны: есть ли это только вѣроятность, или фактъ, или, наконецъ, самообманъ.

Въ этой мысли. я зашелъ на слѣдующій день къ г-жѣ де-Ф., которая унесла съ собою записку, на первый взглядъ столь загадочную, но потомъ оправдавшуюся такъ пунктуально. Когда я заявилъ ей, что желалъ бы сохранить листокъ для своего отчета, она мнѣ любезно уступила его. Въ отвѣтъ на мои вопросы, г-жа де-Ф. высказала, въ очень рѣшительныхъ выраженіяхъ, убѣжденіе, что обстоятельства, на которыя намекала таинственная записка, не были и не могли быть извѣстны никому, кромѣ ея семьи. Всего нѣсколько недѣль, — напомнила мнѣ она, — какъ сама она прибыла въ Неаполь; кухня же ея была неизвѣстна здѣсь даже по имени. Говорить о ней съ кѣмънибудь въ городѣ она не имѣла случая, и подавно не могла упоминать о томъ, что золотыя будавки были ея подаркомъ. Но въ добавокъ она никогда и никому, внѣ своего семейнаго кружка, не говорила и о прислугѣ, недавно къ ней прибывшей, — откуда она пріѣхала, или кто ее прислалъ. Наконецъ, она заявила, что только передъ тѣмъ познакомилась съ г-жою М., и едва обмѣнялась съ нею карточками.

Не говоря ужъ о личномъ характерѣ и общественномъ положеніи людей, при которыхъ это случилось, — судя только по подробностямъ и обстановкѣ этого факта, такъ близко мнѣ извѣстнымъ, — я чувствую себя въ правѣ высказать рѣшительно, что, какъ бы дѣло ни объяснялось, о какойнибудь стачкѣ, объ обманѣ тутъ не можетъ быть рѣчи.

Не говоря ужъ о личномъ характерѣ и общественномъ положеніи людей, при которыхъ это случилось, — судя только по подробностямъ и обстановкѣ этого факта, такъ близко мнѣ извѣстнымъ, — я чувствую себя въ правѣ высказать рѣшительно, что, какъ бы дѣло ни объяснялось, о какойнибудь стачкѣ, объ обманѣ тутъ не можетъ быть рѣчи.